

были вынуждены передвигаться при помощи двух других, которые сами едва могли ходить. И когда один садился, не в силах больше рулить, другой, в чуть более лучшем состоянии, занимал его место. Большинство парусов они не осмеливались поднимать, поскольку не было никого, кто мог бы их спустить в случае необходимости". Наконец показалась земля, и они держали совет. Они приняли решение плыть по направлению к ней и, подойдя ближе, бросили якорь. Поднялся жесточайший шторм, и корабль понесло на скалы, с которыми он столкнулся. Они бросили второй якорь – его канат был разорван на кусочки до того, как якорь коснулся дна. Свирепое море бросило их на скалы, за которыми, однако, они смогли найти более тихие воды, и команда передохнула, смогла спустить через борт лодку, и некоторые члены экипажа выбрались на берег. Там было немного леса, прибитого к берегу, и никаких деревьев на самом острове. Тем не менее, они пришли к решению укрыться в нескольких маленьких лощинах, которые нашли неподалеку от берега. „8 ноября они начали выносить на берег больных, но некоторые умерли сразу же, как только их донесли до палубы на свежий воздух, другие умерли, проведя некоторое время на палубе, некоторые в лодке, и гораздо больше сразу же после того, как их донесли до берега”.

9 ноября командора Беринга, обессиленного от цинги, донесли до берега на носилках, месяц спустя он умер на этом острове, который в результате сейчас носит его имя. „Можно сказать, что он был похоронен наполовину живым, поскольку со стен рва, где он сидел, постоянно скатывался песок и покрыл его ноги, в конце концов, он не позволил его убирать, сказав, что он чувствует тепло от песка, которое ему хотелось бы ощутить и во всем теле; таким образом, песок поднялся до самого его пояса, и когда он отошел в мир иной, экипаж вынужден был выкапывать его из земли, чтобы похоронить подобающим образом”.

Судно их осталось без присмотра и было разбито в шторм, и большая часть провизии пропала. Они долгое время кормились мёртвыми китами, которых выносило на берег. В конце концов весной они решили собраться с силами, разломать то, что осталось от судна после кораблекрушения, и из остатков собрать маленькое суденышко, что и было сделано, и они покинули остров. Наконец, к их величайшей радости, они достигли побережья Камчатки. Предыдущей осенью Чириков, компаньон Беринга, прибыл в Петропавловск, потеряв 21 человека от цинги, а профессор де ла Кройер держался до конца путешествия и умер прежде, чем они смогли доставить его на берег.

Поздним вечером 13 августа мы достигли Анадырского залива (произносится как «Анардер», а не «Анни диа», как некоторые люди упорно называли его) и бросили якорь до рассвета следующего утра. Местность вокруг была низкой, и, несмотря на жаркую погоду, на берегу было большое количество снега и льда. Мы медленно продвигались на пару вверх по заливу, и вскоре показались несколько чукчей <...>».

1. Travel and adventure in the territory of Alaska formerly Russian America – now ceded to the United States – and various other parts of the North Pacific / F. Whymper. New York : Harper and Brothers publishers, 1871. P. 132–152.

**ЗАПИСКИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО ИННОКЕНТИЯ
О ПЕТРОПАВЛОВСКИХ СОБЫТИЯХ АВГУСТА 1854 г.,
СОСТАВЛЕННЫЕ ИМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПИСЕМ
ЮЛИИ ЕГОРОВНЫ ЗАВОЙКО
(Подготовка публикации В. А. Ермакова)**

Аннотация. В сообщении излагаются события короткого, но кровавого эпизода Крымской (Восточной) войны, который произошел в сентябре (августе по старому стилю) 1854 г. в Петропавловске-Камчатском и закончился полным поражением англо-французской эскадры. Предлагаемый текст заимствован из обширных записок святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского, известного как выдающийся православный миссионер, просветитель Сибири и Америки.

Ключевые слова: Крымская война, оборона Петропавловска, святитель Иннокентий.

Abstract. In the excerpt the events of a short but bloody episode of the Crimean (Eastern) War are depicted. Those episodes took place in September (August on old style) in 1854 in Petropavlovsk-

Kamchatsky and ended with a complete defeat of the Anglo-French squadron. The proposed text is borrowed from the extensive notes of the Saint Innocent (Veniaminov) the Metropolitan of Moscow and Kolomensk, known as an outstanding Orthodox missionary and enlightener of Siberia and America.

Key words: Crimean War, Petropavlovsk Defense, Saint Innocent.

В этом году исполняется 165 лет известным событиям Крымской войны, которые происходили на востоке России, здесь, на Камчатке. В камчатской печати эта короткая, но кровавая война освещалась неоднократно. Особенность этой публикации заключается в том, что ее автор, Иннокентий (Вениаминов) – знаменитый митрополит Московский и Коломенский, выдающийся проповедник православия и патриот России, прямо свидетельствует о событиях со слов непосредственных участников: контр-адмирала Василия Степановича Завойко, губернатора Камчатки, и его супруги Юлии Егоровны Завойко, состоявшей в постоянной переписке со святителем. Данная публикация представлена, в основном, фрагментами ее писем. Отмечу также, что этот короткий отрывок взят из книги, являющейся переизданием большого исследовательского и литературного труда о деятельности митрополита, который был выполнен историком и археографом И. П. Барсуковым в конце XIX в.

«Велик Бог Русский! Славлю имя Его! Блаженны все надеющиеся на Него! Он спас нас от страшной неминуемой опасности. Семнадцатого августа в 10 часов утра был дан сигнал Маяка: „Вижу в море иностранную эскадру...“ Все вообще думали и полагали, что неприятель не в состоянии выделить большие силы для Петропавловска, но ошиблись. Иностранная эскадра состояла из шести судов: английский адмиральский фрегат „Президент“ (52 пушки); английский фрегат „Пик“ (44 пушки); большой пароход-фрегат (8 бомбических пушек и мортир); французский адмиральский фрегат „Форт“ (60 пушек); малый фрегат „Евредис“ (32 пушки), и бриг „Облигадо“ (18 пушек). Итак, у них было 224 пушки и около двух с половиною тысяч человек команды и два адмирала. У нас было с фрегатом „Авророй“, „Двиною“ (транспорт) и нашими батареями 69 пушек; (пушки фрегата, а также и „Двины“ были почти в бездействии) и восемьсот пятьдесят восемь человек, в том числе триста пятьдесят рекрутов, пришедших за месяц на „Двине“. Видите ли, что неприятель втрое и более превосходил нас силою; сверх того, у него ружья и боевые снаряды значительно были лучше наших; у него был порох в изобилии, а у нас в порохе был недостаток.

За нас был Бог. И ухищрения человеческой гордости и высокоумия рушились. Семнадцатого же числа все дети, женщины и скот были высланы из города. Ужасно было, когда ударили тревогу. Какое-то чувство немощного отчаяния овладело всей душой; все дети в голос кричали. Через час город опустел; остались одни мужчины. В этот день судам был противный ветер, и вошел в губу один пароход (безчестный „англичанин“ нес американский флаг); он подошел к Сигнальному мысу; не доходя выстрелов и завидя посланную к нему шлюпку, повернул и ушел в море.

Восемнадцатого августа, после полудня, вошла вся эскадра и направилась во вход малой губы; но наши батареи открыли огонь – и эскадра удалась из-под выстрелов. В этот день, как мы узнали впоследствии, был убит английский адмирал Прайс, который похоронен в Тарье. Девятнадцатого, в 9 часов утра, на Сигнальной батарее служили молебен; неприятель, заметя это, стал бросать бомбы и ядра, которые свистали над головами молящихся, но достойный пастырь отец Георгий, над головой которого пролетела бомба во время чтения Евангелия, не смутился и продолжал громким, внятным голосом взывать ко Господу Сил. По окончании молебствия и окропив святой водою воинов и батарею, священник переехал на Кошку, где возведена большая батарея, и окропил и ее святой водою, пропев краткое молебен. Остаток дня прошел спокойно. Двадцатого числа видно было, что неприятель готовится к решительному нападению. Пароход повел три фрегата и десантные боты к нашим батареям. Генерал-губернатор Камчатки (В. С. Завойко. – В. Е.) сошел на батарею и сказал: „Братцы! Велика сила идет, но Бог за нас, будем сражаться за веру. Многих из нас не станет. Сегодня да будет последняя молитва наша за Царя“. Пропели: „Боже царя храни...“ на всех батареях наших и на судах, и стрелковые партии вторили. Грянули: „Ура!“ и „Умрем с ружьями в руках, а не отступим ни на шаг!“ – и принялись с крестом за дело. Началась страшная канонада; восемьдесят неприятельских пушек бомбардировали батарею, на Сигнальном мысу пять пушек и на Красном Яре три пушки; хотя сначала наши батареи наносили значительный вред неприятелям, но их сила превозмогла, станки у пушек были поломаны и платформы до того засыпаны землей, что невозможно было действовать пушками, и потому пушки были заклепаны и оставлены; крепостной гюйс был перенесен на батарею № 2 на кошке, а флаг – к гауптвахте. В это время тринадцать десантных ботов пошли по направлению к Красному Яру, высадились и побежали на ба-

тарею. Французы вздернули там свой флаг; но лишь они увидели на горе приближение стрелковых партий наших, то стремглав бросились вниз и убежали на свои суда. С 9 часов утра до 7 часов вечера три фрегата действовали против крошечной батареи (11 пушек); на ней командовал Димитрий Петрович, князь Максutow. Сберегая людей и порох, он действовал только тогда, когда один из фрегат-ов сдавался ближе, чтобы посмотреть, сбита ли батарея; а сам он ходил во все время взад и вперед вдоль по батарее, как на ученье, наблюдая за движениями неприятеля. К концу дела батарея была почти цела, убитых на ней двенадцать человек и раненых тридцать, а командир остался невредим. В этот день тысячи бомб и ядер и конгревовых (т. е. зажигательных. – В. Е.) ракет было брошено в город (почти весь крытый соломой). Они бросали бомбы через перешеек и, сколько могли, в кошку и через кошку. Земля в городе совершенно изрыта ядрами и бомбами; но не загорелся ни один дом, и попортило весьма немногие из них, и никого в городе не убило. Фрегатский священник насчитал менее чем за час триста выстрелов.

В этот день губернатор был более на Сигнальном мысу, где его осыпало градом ядер и бомб, но Бог его сохранил под Своею невидимой десницею. Двадцать первого, двадцать второго и двадцать третьего числа суда неприятельские крепились и чинились и, наконец, наступило двадцать четвертое число. День, в который весь Петропавловск должен возсылать благодарственные молитвы Господу Сил, даровавшему спасение. „Каждый день в этот год будет и в нашей семье, – говорит супруга губернатора, – молебствие. Господь в этот день чудесно сохранил жизнь Василия Степановича”. Рано в этот день пришло все в движение на неприятельской эскадре. Пароход повел суда со стороны Никольской горы. На перешейке была устроена батарея из пяти пушек и у рыбного сарая была батарея из пяти пушек. Суда стали действовать против этих двух батарей. С перешейка, где командовал герой князь Александр Максutow, действия были весьма удачны: сшибли гафель на английском адмиральском фрегате, и британский флаг слетел; перешибли много снастей, попадали часто в самый корпус судна; убили капитана парохода на Кожухе, утопили целый баркас с десантом. Но неприятельское ядро оторвало руку героя, который в ту же минуту и после операции не переставал креститься и благодарить Бога за свое спасение, и во время мучительных перевязок он постоянно молился (он впоследствии помер). Вообще, оба Максutowы показали себя людьми с великой душой, с истинным мужеством и с живой, детской верой в Бога. Когда обе наши батареи были сбиты, неприятель, под покровительством своих пушек, стал высаживать десант, состоящий (по бумагам, найденным у начальника убитого) из шестисот семидесяти человек; да после неприятель послал в подкрепление шесть больших баркасов, в которых можно разместить до трехсот человек.

Они разделились на две части: одна пошла по дорожке внизу у озера, но пушки озерной батареи заставили их вернуться, и они взбежали на второй холмик Никольской горы; а вторая заняла весь гребень Никольской горы. Часть, стоявшая на втором холме, была шагах в двадцати пяти от губернатора, около которого были Лохвицкий, Юдицкий, Литке и гардемарин Колокольцев, пять человек матросов и остатки резервной партии волонтеров, самых плохоньких. Подле них действовала конная пушка, которая после трех удачных выстрелов свалилась в ров, и вся прислуга около нее, казаки и писари были перебиты неприятельскими пулями. „Мы стояли, – говорит генерал-губернатор, – в крови, с ружьями в руках, дорого продавали нашу жизнь; перед нами в двадцати шагах собирался и строился взвод неприятеля и осыпал градом пуль; казалось, пробил последний час жизни. Вдруг раздается выстрел из пушки, свалившейся в ров со станком, – и вражья толпа дрогнула; потом начали опять скопляться, но вдруг раздается наше «ура»; наши партии приняли в штыки верхнюю партию врагов – и нападавшие на нас обратились в бегство, и я остался жив”. Снизу горы вверх, скорым шагом, отстреливаясь, поднялись стрелковые партии: лейтенант Анкудинов (тридцать человек), мичман Михайлов (пятьдесят человек), Губарев (пятьдесят человек); а мичман Фесун с тридцатью человеками и прапорщик Жилкин с двадцатью человеками врезались в самую середину неприятеля и разорвали их цепь. Лейтенант Пилкин взбежал с перешейка и принял их слева в штыки; раздалось со всех сторон громкое „ура!”, неприятеля стиснули – он дрогнул и побежал. Его отступление было ужасно; он бросался с утеса, спеша к своим баркасам (и таща убитых и раненых); но и тут их ожидала смерть; наши поместились на гребне горы, стреляли в них сверху. Баркасы, ехавшие полные, возвращались назад вполовину пустыми; один баркас, нагруженный одними телами, ушел с восемью гребцами. В баркасах слышался страшный стон. Полагают их потерю в этот день до трехсот человек убитыми; сорок человек убитых оставили они здесь, и в числе их четыре офицера и командующий десантом.

Десантное знамя, семьдесят ружей и семь офицерских шпаг оставались в наших руках. „Десант насчитывал, говорит губернатор, девятьсот человек, а мы отстаивали с двумястами семьюде-

сатью; при этом нам удалось положить триста человек, а остальных прогнать в беспорядке; без Божией помощи этого нельзя сделать людям, и грешно тому человеку, оставшемуся из нас в живых 24 августа, возгордиться храбростью и сказать, что мы сделали, мы прогнали; нет-нет, и пока у нас ни одного такого не нашлось, и дай Бог, чтобы и впоследствии не было. Храбрость есть дар Бога...»

После столь славного дела, наши соединились и еще до прихода священника пропели „Царю Небесный” и „Отче наш”. Когда пришел священник, было совершено благодарственное молебствие на самом окровавленном поле победы. Вы можете себе представить, что всякий живо чувствовал, что Сам Бог спас, и молился от всей души. Двадцать пятого и двадцать шестого неприятель чинился; пароход возил своих покойников на трех катерах хоронить в Тарье.

Двадцать седьмого неприятельская эскадра вышла в море, но, по несчастью, она встретила шхуну „Анадырь”, которую и увела. Эскадра шести военных судов увела беззащитную шхуну с лесом! – это совершенно в английском духе. Еще видели вдаль, что они увели с собой большое трехмачтовое судно („Ситху”, компанейское). В кармане убитого начальника десанта нашли записку адмирала о числе десанта, план захвата и уничтожения города (у них были с собой и стружки для поджога, и веревки, чтобы связывать пленных). Но не подумали они только, что русские живыми не сдаются! Кроме того, на найденной записке рукою адмирала карандашом написано: „Не позабыть взять с собою сколько есть кандалов...”

У нас теперь есть два мальчика-калеки; когда одному из них отнимали руку, он говорил доктору: „Скорее, мне не больно. Я за царя руку потерял...” Бог внушил всем всеобщее присутствие духа, а не человеческое уменье. „Ужасны были эти дни, – продолжает Юлия Егоровна Завойко. – Я знаю по многим опытам, какое неоцененное благо для человека – молитва; но никогда не чувствовала это так живо, как ныне. Мы почти все молились все вместе, живя там на хуторе. Дети молились все, с горькими рыданиями. Бог внял молитвам нашим. Молитва нас укрепляла полной преданностью воле Провидения. Все, все у нас видят сверхъестественную Божию помощь; нет ни одного, который бы не благоговел перед путями благого Провидения, которые теперь для нас так ощутительно видны. Хвально и прославленно имя Господа от ныне и до века!”»

1. Святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников // Союз писателей России, Псковское региональное отделение. Псков, 2007. С. 336–340.

**ПИСЬМО ВЯЧЕСЛАВА РОСТИСЛАВОВИЧА ВЕКЕНТЬЕВА
ВЛАДИМИРУ НИКОЛАЕВИЧУ СУМЦОВУ
(о. Беринга (Командорские острова) – Нижний Новгород. 24 апреля 1911 г.)
(Подготовка публикации А. В. Ляшук)**

Аннотация. В работе опубликован малоизвестный исторический источник – письмо В. Р. Векентьева, руководителя обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг., датированное 1911 г. Выявленный фотопортрет Векентьева того же периода помещен на CD (прилагается к сборнику XXXV Крашенинниковских чтений).

Ключевые слова: Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, Камчатка, Командорские острова, история, русско-японская война 1904–1905 гг.

Abstract. The article presents a little-known historical source – the letter of V. R. Vekentyev, the commander during the defense of Kamchatka in the Russo-Japanese war of 1904 – 1905, dated by 1911. Found out Vekentyev's portrait of the given period is presented on CD (attached to the collected materials of the XXXV Krashenninikov's Readings).

Key words: Nizhny Novgorod Cadet Corps of Count Arakcheyev, Kamchatka, Commander Islands, history, Russo-Japanese war of 1904–1905.

В 1909 г. в разных концах Российской империи произошло два события, имеющих к нашей истории непосредственное отношение. Была вновь образована самостоятельная Камчатская область. А в Нижнем Новгороде отметило свое 75-летие одно из старейших губернских военно-учебных заведений – Нижегородский (до 1866 г. – Новгородский) графа А. А. Аракчеева кадетский корпус.